

ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ 12
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1967 г.

—Шурлы-мурлы-бумс! — таинственно произнес сказочник, и все кругом мгновенно и неожиданно изменилось...

Рисунок А. Брея.

ма
ш
ст
вен
ная

Ночью!

Ну, не совсем ночью, а если точнее, так днем появился у нас в редакции человек с весьма странной внешностью. Он был сед, высок и сухопар. При этом суров и крайне немногословен, изъяснялся он по большей части жестами.

— Привет,— буркнул он всем,— садитесь, молчите и смотрите.

Все, конечно, опешили, и кто стоял — сели, а наш посетитель вышел на середину комнаты и негромко хлопнул в ладоши. Тотчас стало совершенно темно, видимо, день за окном погас...

— Ой! — сказал кто-то из нас. — Что же теперь будет!

— Прошу тишины! — произнес металлический голос. — Внимание!

Все смолкли, и в этот же миг в середине комнаты что-то слабо загорелось, и постепенно во тьме возникли очертания некоего мерцающего аппарата, рядом тенью вырисовывалась тонкая фигура нашего незнакомца. Снова зазвучал голос его, но уже не суровый и резкий, а мягкий, тихий, даже какой-то убаюкивающий.

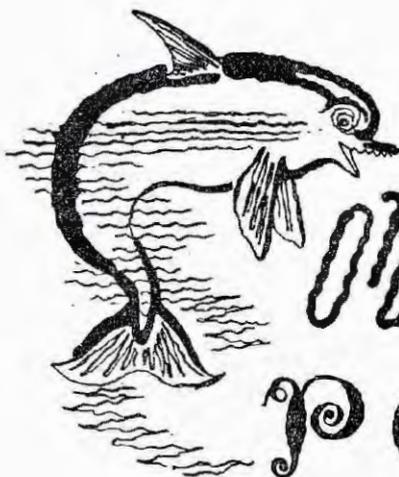
— Не волнуйтесь, все будет хорошо. К вам в журнал пришел я, старый путешествующий Сказочник. Я принес к вам свою машину, она перед вами. Это хитроумное приспособление улавливает и притягивает сказки и волшебные истории со всего мира, древнейшие и новейшие, сочиненные писателями даже вот в эту секунду...

— Шурлы-мурлы-бумс,— произнес Сказочник, и в темном воздухе возникло перед нами зелено-голубое, полное живых существ подводное царство. На этом фоне и возникла надпись:

Пре
д
сто
пу
д

Борис ЗАХОДЕР

Рисунки А. БРЕЯ.

ОТШЕЛЬНИК
РОЗА

1

В синем море жил-был маленький Рак, и жилось ему так плохо, что он никак не мог понять, почему море называют Синим, — ему-то оно казалось совсем-совсем серым...

Да, это было очень странно!

Ведь море было действительно синее-синее, и жить в нем было так весело и интересно! Рыбы — это только раньше люди думали, что они не умеют говорить! — даже сложили веселую песенку о том, как хорошо живет в море:

Никто и нигде!

Никто и нигде

Не жил веселее,

Чем рыбы в воде!

Ни люди,

Ни звери,

Ни птицы,

Ни змеи —

Никто и нигде не живет веселее!

Да, никто и нигде!

Нет, никто и нигде

Не жил веселее, чем рыбы в воде! —

и распевали ее с утра до вечера. Морские Звезды так и сияли. Мудрые Дельфины и те резвились, как дети, а бедный Рак сидел, забившись в какую-нибудь щелку, и горевал.

А ведь у него было все, что полагается настоящему Раку для полного счастья: десять ног и вытаращенные глаза, длинные-предлинные усы и могучие клешни. Вот только панциря у него не было — тельце у него было совсем мягкое. Может быть, потому-то все, у кого панцирь был, — да и многие другие — обижали его, щипали, кусали, а то и старались съесть.

Рак пел грустную песню:

Ах, много места в море
И много в нем воды,
Но в нем не меньше горя,
Не меньше в нем беды...

— Все горе в том, что тебе не хватает твердости,— сказал ему как-то его дальний родственник, дядя Краб, который всегда ходит боком.— В наше время нельзя быть таким мягкотелым!

И в доказательство он сильно ущипнул бедного Рака.

— Ой,— крикнул Рак,— больно!

— Это для твоей же пользы! — сказал дядя Краб, очень довольный.— Мое дело, конечно, сторона, но на твоём месте я попытался бы обзавестись каким-нибудь приличным панцирем.

Да, я забыл тебе сказать, что Рака звали Отшельником, потому что он, как ты знаешь, вечно прятался то в пещеры, то в норки, то под камушки, чтобы его поменьше щипали.

«Ну, что ж,— подумал Отшельник, когда боль немного успокоилась,— щипок был неплох, но ведь и совет, пожалуй, тоже! Пожалуй, мне действительно стоит об этом хорошенько подумать».

А кругом валялось много множество раковин. И вот, хорошенько подумав, он решил так:

«Самое подходящее место для Рака—это, конечно, раковина, а самый подходящий жилец для раковины — это, конечно, Рак; и когда Рак залезет в раковину, его уже никто не ущипнет, или я ничего не понимаю ни в тех, ни в других!»

И вот он постучал в нервую попавшуюся раковину и попытался объяснить все это ее хозяйину, но оттуда выглянул сердитый-пресердитый Моллюск и, не дослушав его, сказал:

— Глупости! Я занят! — и крепко-накрепко захлопнул створки своей раковины.

А когда он постучал во вторую раковину, оттуда уже никто не выглянул, потому что там никого не было — о радость! — это оказалась как раз подходящая раковина, не слишком большая и не слишком маленькая, и красивая, и прочная — ну, просто в самый раз!

2

Но странное дело! Хотя никто (даже дядя Краб) не мог больше ни ущипнуть, ни укунить нашего Отшельника (даже для его же пользы), ему все-таки чего-то не хватало для полного счастья... Иначе почему бы море по-прежнему казалось ему совсем-совсем серым? И почему бы он продолжал петь свою грустную песню:

Ах, много в море места,
Но не найти никак

Нигде такого места,
Где был бы счастлив Рак!..

Однажды он, не удержавшись, сказал проплывавшей неподалеку Летучей Рыбке:

— Как странно жить в сером море! Я слышал, что есть на свете Белое море и Черное, и Желтое и даже Красное, но никто и никогда не слышал про Серое море...

— Серое! — засмеялась Летучая Рыбка.— Какое же оно серое? Оно лазурное, бирюзовое, голубое, васильковое! Оно синее-пресинее! Самое синее на свете!

И она поспешила вслед за своими подружками, которые выпорхнули на поверхность, чтобы еще раз полюбоваться синими волнами с белыми гребешками.

— Странно! — пробормотал про себя Отшельник.— Кого ни спросишь — все говорят «синее». Почему же только я один этого не вижу? Только я один?

— Именно поэтому,— неожиданно раздался чей-то голос, и Отшельник, вздрогнув, на мгновение спрятался в свою раковину.

А выглянув оттуда, он увидел... кого бы ты думал? — самого доброго, самого мудрого из всех морских волшебников — да, да, ты не ошибся: это был Дельфин!

— Да, именно потому, что ты один! — сказал Дельфин.— Найди себе друга — и тогда ты увидишь! Желаю удачи, и подумай над моими словами!

И Рак подумал: значит, надо найти себе друга. Горе в том, что я не знаю, кто такие эти друзья, и где они живут, и как выглядят. Ну, что ж, ведь когда я найду настоящего друга, я это сразу узнаю, потому что море станет синим-синим!

С этими словами Отшельник отправился искать себе друга, и, говоря по правде, тут-то наша сказка и началась!

3

А я должен сказать тебе, что найти настоящего друга не так-то легко — даже на дне морском. Особенно, если ты не знаешь, как он выглядит...

На отмели он встретил Ската и спросил его, не друг ли он. И Скот, который целый день лежит на дне и подстерегает зазевавшихся рыбешек, сказал ему:

— О, конечно, конечно, я друг тебе! Иди скорее ко мне, мы никогда не расстанемся! — и открыл чудовищную пасть...

К счастью, наш Отшельник, как ты хорошо знаешь, был очень умный, он понял, что Скот ищет не друга, а добычу, и поскорее поплыл прочь. Разочарованный Скот замурлыкал про себя свою страшную песню:

Вздых повторился, потом послышалось всхлипывание...

Куда спешить на дне морском?
Тут можно двигаться ползком!
Друзья, умерьте вашу прыть:
Ползти спокойнее, чем плыть...

Он был по-своему прав, ведь Скату гораздо легче ловить ту добычу, которая ползает.

Рак познакомился с Голотурней и попытался заговорить с ней, но трусливая Голотурия с испугу вывернулась наизнанку и выстрелила в него собственными внутренностями, потому что она приняла Отшельника за врага, а Голотурия всегда так откупается от врагов...

Он попытался подружиться с красавицей Медузой, но она оказалась совсем глупой, да вдобавок ядовитой, и он едва успел увернуться от ее ядовитых щупалец.

Наконец, очень усталый и очень-очень грустный, он присел отдохнуть и сказал:

— Вот я обошел все дно морское и нигде не нашел друга. И море по-прежнему серое, и, наверное, для меня оно всегда будет серым. Ах, если бы я мог, я бы утопился!..

И тут он услышал, как кто-то с тяжелым вздохом, словно эхо, повторил его слова:

— Ах, если бы я могла, я бы утопилась...

Отшельник оглянулся (вернее, просто повел по сторонам глазами, ведь они у него, как ты помнишь, на стебельках) и никого не увидел. Никого, кроме Розы — Морской Розы. Но ведь Морские Розы — ученые люди называют их актиниями, — хотя они и не цветы, вздыхать не могут.

Но вздох повторился, а потом послышалось всхлипывание. А ведь кругом никого не было, кроме Морской Розы.

— Это ты плачешь? — удивленно спросил Отшельник (он чуть было не прибавил «А разве ты умеешь?», но вовремя удержался).

Роза ничего не ответила, но так как она за-

плакала еще громче, то ответа, в сущности, и не требовалось.

— А почему ты плачешь? Тебя кто-нибудь обидел? — спросил Отшельник (ведь не только тело, но и сердце у него было мягкое).

— Никто не смеет меня обидеть! — сказала Роза. — Никто во всем мире не смеет ко мне прикоснуться!

И она гордо выпрямилась и даже перестала плакать.

— Тогда почему же ты плачешь? — спросил ее Отшельник так ласково, что Роза тоже смягчилась и ответила ему:

— Мне просто грустно. А грустно мне потому, что это море такое серое-серое! Вот если бы я нашла друга — все было бы по-другому. Но ведь я не умею ходить, и все, что мне остается, — стоять здесь и горевать...

Отшельник хотел сказать ей, что он обошел все дно морское и нигде не нашел друга, но ему стало жалко огорчать Розу, тем более, что она была такая красивая. И он сказал ей:

— Я как раз хожу по дну морскому и ищу себе друга, и, если хочешь, пойдем вместе, и, может быть, если нам очень, очень повезет, каждый найдет себе друга, и тогда море станет синим и мы совсем не будем грустить.

— Да ведь я же не умею ходить, — сказала Роза, и ленетки ее грустно покачили.

— Ну, это горе небольшое, — сказал добрый Отшельник, — ведь если ты хочешь, я могу тебя понести! Мне это будет только приятно!

Розе было страшновато сниматься с насиженного места, хоть ей и плохо там жилось. Так всегда бывает!

Но Отшельник говорил с ней так ласково и показался ей таким добрым, что она согласилась.

И вот Отшельник помог ей сойти с камня и сесть к нему на раковину, и они тронулись в путь.

— Ах, как хорошо! — восхищалась Роза. Как легко дышится, когда ты стоишь на месте! Ой, какие пестрые рыбки! Как их зовут? А кто это так сияет? Морские Звезды, вот как! Не думала, что они такие красивые! А это что? А это кто? Ой, как хорошо путешествовать!

Отшельник едва успевал отвечать на все ее вопросы. Он, правда, много раз видел все, чем она так восхищалась, но — ведь он был очень добрый — думал про себя: «Пусть радуется, бедная! Скоро ей все это надоест, так же, как и мне... По правде говоря, мне очень приятно слышать, как она радуется! Интересно, если бы я нашел друга, мы бы радовались с ним вместе или нет?»

И он задумался о том, как грустно, что ему никогда-никогда не найти друга, и вдруг Ро-

за, которая уже с минуту как замолчала, спросила, как будто угадав его мысли:

— А когда же мы пойдем искать друзей?

И тут Отшельник не удержался и рассказал ей всю правду: как он искал друга по всему дну морскому и яшел Существа, Создания и даже Чудища, но друга не нашел нигде...

— Может быть, никаких друзей вовсе не бывает на свете, — сказал он грустно, — и лучше их и не искать?

— Неправда! — сказала Роза. — Друзья на свете бывают, я уверена, а не нашел ты их только потому, что не знал, где их искать.

— А ты знаешь? — спросил Отшельник.

— Я знаю! Настоящие друзья живут в Алом Городе. Они построили его сами и живут там и дружат, и для них море всегда, всегда синее! И знаешь, говорят, что эти друзья — мои сестры, или братья, или вообще какие-то родственники, так что мы должны пойти к ним, и они нам очень обрадуются!

В эту минуту появился дядя Краб.

5

— Доброе утро, племянничек, — бросил он небрежно и хотел было пройти боком по своим делам (у Крабов всегда множество дел), но тут он заметил Розу и от удивления выпучил глаза.

— А это еще что такое? — спросил он и махнул своей толстой клешней в сторону Розы.

Нельзя сказать, чтобы он был слишком хорошо воспитан!

— Это не что, а кто! Это Роза, — объяснил Отшельник. — Мы с ней идем к Алому Городу искать друзей!

Дядя Краб удивился еще больше — глаза у него совсем вылезли на длинных стебельках.

— Мое дело, конечно, сторона, — сказал он, — но все-таки я должен тебе кое-что сказать. Во-первых, Алый Город находится за семью Морями, так что ты туда не дойдешь! Во-вторых, но-настоящему он называется не Алый Город, а как-то иначе, так что ты его не найдешь! В-третьих, там тоже нет никаких друзей, так что ты зря его ищешь! Словом, ты собираешься совершить глупый поступок! А еще глупее — таскать с собой такую обузу. — И он снова показал на Розу своей толстой клешней.

Роза побледнела от обиды, и лепестки ее сжались. И тут дяде Крабу пришлось удивиться еще гораздо больше, потому что Отшельник — ведь ты не забыл, что он был очень, очень добрый — впервые в жизни рассердился.

— Не смей обижать Розу! — крикнул он и бросился на дядю Краба.

Дядя Краб едва успел вернуться. Но все-таки успел.

— Мое дело, конечно, сторона, — крикнул он, отбежав бочком-бочком на почтительное расстояние, — но в одном из семи морей ты обязательно встретишь госпожу К., и она покажет тебе, где Раки зимуют! От души желаю тебе этого, дерзкий мальчишка! Для твоей же пользы!

Отшельнику стало страшновато — ведь никто не любит, когда ему показывают, где Раки зимуют, а Раки — особенно... И, кроме того, он хорошо знал, кто такая госпожа К. ...

И он невольно замедлил шаги...

— Ты боишься? — мягко спросила его Роза. — Скажи откровенно! Ты боишься этой госпожи К.? Не бойся! Ведь я с тобой!

Как ни страшно было Отшельнику, он едва не засмеялся. Ведь госпожа К. — так все Раки и Крабы называют самого страшного своего врага, такого страшного, что они даже не решаются произнести его полное имя, — своими страшными щупальцами хватает самого сильного Краба, и он становится беспомощным, как

младенец; своим страшным клювом она раскусывает самый прочный панцирь, как яичную скорлупу...

Что может сделать, чем сможет ему помочь бедная маленькая Роза, если они встретят госпожу К.?

Но он не засмеялся: ведь он не хотел обидеть Розу.

— Чему быть, того не миновать, — сказал он храбро. — Но все-таки... все-таки будем надеяться, что мы ее не встретим!

— А если мы ее встретим, мы сами покажем ей, где Раки зимуют, — сказала Роза.

И тут Отшельник расхохотался и с удивлением почувствовал, что ему уже почти совсем не страшно!

И они пошли дальше.

6

Да, это было долгое путешествие, куда длиннее его первого путешествия по дну морскому! Они шли, и шли, и шли, а когда они пришли

— Ах, как хорошо! — восхищалась Роза.

в Четвертое море, Отшельник вдруг почувствовал, что он больше не помещается в своей раковине, и вышел из нее, чтобы поискать себе другую.

— Поймай! — шепотом сказала ему Роза. — Ты хочешь меня оставить?

— Да что ты, — сказал Отшельник, — я просто вырос и мне нужна другая раковина, побольше!

— Нет, ты хочешь меня оставить! — настаивала Роза.

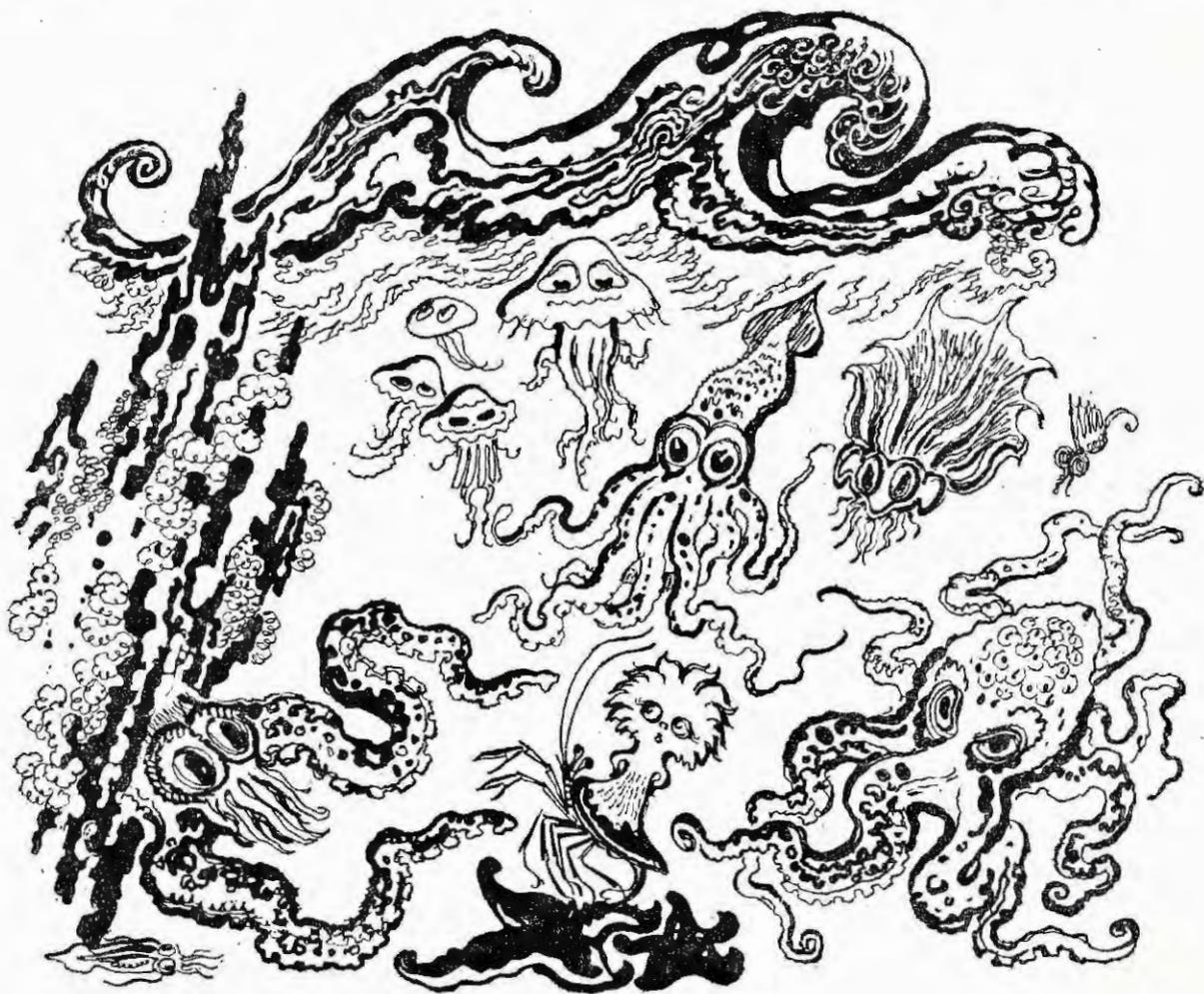
Она вся совершенно побелела, и ему пришлось долго успокаивать ее, но совсем успокоилась она только тогда, когда он нашел другую раковину и посадил на нее Розу, и они снова тронулись в путь.

— Если бы ты меня оставил, я бы сразу умерла, — сказала Роза.

что вода становится все теплее и теплее, а это могло означать только одно — что они уже пришли в Седьмое море, в то самое море, где живет страшная госпожа К.

— Погоди-ка, что это такое? — сказал Отшельник, не дослушав сказку о том, как Рыба-Молот (такая есть) жепилась на Рыбе-Наковальне (такой на самом деле нет) и что у них родилось множество детей: Рыба-Пила, Рыба-Гвоздь, Рыба-Серп, Рыба-Щипцы, Рыба-Напильник, Рыба-Подкова, Рыба-Меч и множество других рыб, из которых одни бывают, а другие нет... И он остановился.

Он остановился, потому что перед ними было ужасное зрелище! Впереди было ущелье между подводными скалами, и у входа в это ущелье лежала целая груда панцирей Раков, Крабов, и все они были пустые и расколотые

Беззвучно из пещеры выплыла госпожа К.

— Да и я тоже! — искренне сказал Отшельник.

И Роза снова засияла и начала рассказывать ему сказки и болтать всякие веселые глупости, и за разговором они даже не заметили,

пополам, словно орехи, и раздавленные, как яичная скорлупа, и Отшельнику показалось даже, что среди них лежит изуродованный панцирь дяди Краба и его клешни, — правда, в такой горе панцирей, клешней и ног трудно было

узнать какой-нибудь один панцирь, даже панцирь родственника...

Ясно было только одно: где-то поблизости живет госпожа К. Но путь к Алому Городу лежал вперед — только вперед...

7

И вот оставалось лишь несколько десятков шагов до выхода — как вдруг в большой пещере блеснули чьи-то страшные глаза, показались длинные щупальца, и медленно, беззвучно из пещеры выплыла госпожа К.

— Роза, спасайся! — отчаянно крикнул Отшельник. В ужасе он даже забыл, что Роза не умеет ходить, и, видимо, забыл, что сам он ходить умеет: он застыл на месте.

Но он угрожающе поднял клешни, чтобы прикрыть Розу...

А Каракатица — так по-настоящему называют госпожу К. — не спеша — ведь она была уверена, что добыча от нее не уйдет! — бесшумно подплывала все ближе.

Вот Отшельник уже мог разглядеть страшные присоски на концах ее щупалец... Извиваясь, как змеи, щупальца все приближались и наконец схватили бедного маленького Отшельника и со страшной силой потащили его туда, где мерцали огромные, немигающие глаза и шелкнул страшный клюв... Отшельник отчаянно боролся, но щупальца были крепки, как железо... Клешни его бессильно опустились...

«Все кончено, — мелькнуло в голове Отшельника. — Прощай, Роза!»

И тут спол сверкающих молний ударил в толстое тело Каракатицы у самого основания ее щупалец.

Это Морская Роза пустила в ход свое грозное оружие — жгучие стрелы, спрятанные в ее прелестных лепестках. Да, недаром она говорила, что к ней никто не смеет прикоснуться!

Удар — и подернулись пленкой немигающие глаза, удар — и щупальца бессильно повисли, выпустив свою жертву, еще удар — и Каракатица, как ошпаренная (в сущности, так и было!), отлетела в сторону, выпустив напоследок «чернильную бомбу» — облако темной, как чернила, краски... Все заволочло чернильно-черной мглой...

8

Путь был свободен, и, когда путешественники вышли из ущелья, в ослепительном сиянии солнца им открылся Алый Город! Причудливы были очертания его стен, уступами поднимавшихся все выше и выше и утопавших где-то наверху — там, где кончается море и начинается небо.

— Это ведь Алый Город? — спросили они для верности у первого встречного — это оказалась Рыбка-Доктор, которая как раз лечила большого Тунца от Морской болезни. Рыбка оторвалась от своего дела и серьезно сказала:

— Гм-гм, Алый Город? Гм-гм! Это нельзя считать научным названием. Можете называть его Алым Городом, если хотите, но на самом деле это Коралловый Риф! Ведь его построили Кораллы, и с научной точки зрения правильной называть это сооружение Коралловым Рифом.

— Вспомнила! — неожиданно сказала Роза. — Так зовут этих друзей или родственников Кораллы! Да, да, это они. Идем скорей.

Но когда Отшельник и Роза подошли к Городу (или Рифу) так близко, что им стали видны миллионы прозрачных венчиков, очень похожих на венец лепестков Розы (а именно так выглядят Кораллы), Отшельник остановился и заговорил, и в ту же самую секунду заговорила Роза, так что они сказали хором:

— Я-не-хочу-искать-никаких-друзей-кроме-тебя!

— Давно бы так! — прозвучал удивительно знакомый голос. — Искать то, что давно нашел, — это попусту тратить время!

То был, конечно, Дельфин, Морской Волшебник.

Видя, что ни Отшельник, ни Роза его не поняли, он прибавил:

— Чудаки! Да неужели вы до сих пор не догадались, что вы и есть самые настоящие друзья? Про настоящих друзей говорят: их водой не разольешь! А ведь для вас не хватило целых семи Морей!

И друзья подхватили веселую песню, звучащую со всех сторон.

Никто и нигде,
Никто и нигде
Не жил веселее,
Чем Рыбы в воде! —

пели Рыбки.

Но ведь ты (и я)
Такие Друзья,
Что нам бы могли бы
Позавидовать даже и Рыбы? —

пели Отшельник и Роза.

И, по-моему, они были совершенно правы! Ведь если ты нашел настоящего друга и поешь с ним веселую песню, — значит, у тебя есть все, что нужно для полного счастья!

